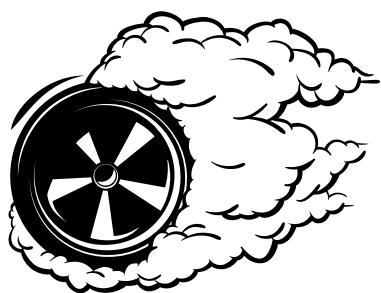

МАРЬЯНА КУПРИЯНОВА

КАРБОНОВОЕ СЕРДЦЕ

LIKE
BOOK
МОСКВА

МАРЬЯНА КУПРИЯНОВА

**КАРБОНОВОЕ
СЕРДЦЕ**

**LIKE
BOOK**
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К92

Художественное оформление *A. Андреева*

Иллюстрация на переплете *Kliory Draw*

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:
© VectorPot, MoreVector, Giuseppe_R / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Куприянова, Марьяна.

К92 Карбоновое сердце / Марьяна Куприянова. — Москва : Эксмо, 2025. — 400 с.

ISBN 978-5-04-217088-1

Ради собственной безопасности Сара Фрай переезжает к матери, которую ненавидит, и отчиму, который ненавидит ее.

Утеребери совсем не похож на то место, где она прожила всю жизнь, но здесь ей хочется стать своей. Когда отчим начинает угрожать побоями, а мать ничего не замечает, Сара сбегает из ненавистного дома, устраивается на две работы, чтобы выжить, и попадает в тату-салоне. Благодаря новым друзьям девушка попадает на автодром под названием Гранж Пул Драйв, где впервые видит местную знаменитость — Гектора Соулрайда.

Лучший пилот, любимец публики и пылкий сердцеед не готов смириться с полным равнодушием новенькой, которой хватает своих проблем.

Вопрос в том, готов ли Гектор к взаимности?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-217088-1

© Куприянова М., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

*I don't know what it is
That makes me feel like this
I don't know who you are
But you must be some kind of superstar
'Cause you got all eyes on you
No matter where you are
You just make me wanna play*

Jamelia — Superstar

1. БУДЬ КАК ДОМА

—Н-ну... как там твоя нога? — натянуто уточнил Патрик, взглянув на меня с таким сомнением, будто и сам не понимал, какая ему выгода делать вид, будто его волнует мое здоровье.

Меня, кстати, тоже это интересовало. Но не настолько, чтобы удостоить его ответом. Поэтому я лишь окинула мужчину презрительным взглядом и отвернулась, уставившись в окно.

Снаружи бушевал дождь. Его кристально чистые холодные струи омывали стекло автомобиля, крупные капли сливались в одну и стремились к оконной раме, чтобы сбежать по металлическим дверцам наискосок прямиком к земле.

От обилия влаги краски внешнего мира становились темнее и контрастнее. Дождь насыщал их мрачными, почти мистическими тонами. Несущийся за стеклом черно-изумрудный пласт пейзажа, пестрый, как кожа мангрового крокодила в слоях тины, постанывал сырьими стволами и шевелил кронами, роняя капли на темно-синее дорожное полотно, разрезанное ослепительно белыми стрелами разметки и отливающее бликами серого антрацита.

Небо казалось таким густым и низким, будто намеревалось обрушиться на город, в котором каждое здание в такую погоду выглядело заброшенным еще в прошлом веке.

МАРЬЯНА КУПРИЯНОВА

Водяные пятна быстро разрастались на бетонных плоскостях строений, словно плесень.

Господи, ну и городок. Гребаные «Сумерки». Надеюсь, вампиров тут не водится, потому что мою кровь и так будет кому пить.

Все выглядело каким-то застывшим, умершим давным-давно, но дождь оживлял этот изолированный мирок, наполняя силой и скрытым могуществом. Наблюдать за пейзажем было куда приятнее, чем видеть кислую рожу Патрика, даже боковым зрением. Хотя в таких местах только психологические триллеры снимать, наверное. Подходящая атмосфера, чтобы сходить с ума и утаскивать кого-нибудь с собой на ту сторону рассудка.

Никогда прежде я не бывала в Уотербери и не думала, что визит сюда предстоит в ближайшее время. Но жизнь обожает устраивать сюрпризы. И теперь я еду в машине с человеком, которого ненавижу, туда, где жить не хочу. Кто-то скажет, что выбор есть всегда. Я отвечу, что это херня собачья.

Мы напряженно молчали всю дорогу, будучи оба одинаково не рады ситуации, в которой оказались. Патрик, конечно, безумно «счастлив», что я приехала. Прямо как утопающий с железной цепью на шее.

Едва показался небольшой белый домик с бордовой крышей, приятный и аккуратный, мужчина сказал:

— Давай хотя бы при ней делать вид, что не собираемся загрызть друг друга.

Это была третья фраза, которую он произнес от самого аэропорта, где встретил меня с моим «скромным» багажом. В отличие от нового мужа моей мамаши я держалась молодцом и не произнесла ни слова. Промолчала и в этот раз. Но Патрик был безусловно прав. Придется нам изображать приятелей. Хотя бы в то время, пока она рядом.

Гвен стояла на крыльце, облицованном красивой мелкой плиткой, держа над собою вишневый зонт с японским

КАРБОНОВОЕ СЕРДЦЕ

орнаментом. Такая маленькая фигурка в теплом кремовом халате. Ежится, поправляет свою идеальную укладку, как у гребаной Мэрилин Монро, щурится, выглядывая меня и Патрика за мокрыми стеклами и скользящими дворниками приближающегося седана.

Должно быть, мой приезд для нее действительно что-то значит, если она в такую непогоду вышла меня встречать. Вот только для меня ее великодушный жест не значит ничего.

Патрик плавно нажал на тормоз, и его любимый Chevrolet, такой же безупречный, красивый и честно заработанный, как этот домик, мягко остановился на мокром асфальте. Мгновение я смотрела на Гвен — она вся напряглась, встретившись со мной взглядом. Дверца открылась и захлопнулась, выпустив меня под дождь. Стараясь больше не смотреть в сторону миниатюрной женщины, я открыла багажник и взвалила на плечи большую часть своих вещей.

— Остальное принесешь ты, — тихо буркнула я.

Патрик кивнул, принимая условия игры.

Намокшие волосы липли на лоб и губы, лезли в глаза, но обе руки были заняты, чтобы поправить их

— Господи, Сара! Пусть Пат все перенесет, зачем ты берешь такие тяжести, ты же девочка! Иди скорее под крышу, промокнешь.

Сама же Гвен, однако, не сделала и шагу в мою сторону, чтобы помочь или укрыть зонтом. В этом фальшивом участии и напускной заботливости вся ее эгоистичная натура. Я поднялась на крыльцо, остановилась и спросила только одно:

— Где моя комната?

— Комната? Но я думала, мы сначала посидим вместе, выпьем чаю, ты согреешься, расскажешь нам, как перелет...

— Ладно. Сама найду.

— Сара, но...

— Не надо, — угрюмо предупредила я и вошла в дом.

Только приехала, а уже устала от ее нарциссичного желания выслужиться и показать себя с наилучшей стороны. Будто я ее не знаю! Или спустя столько лет я для нее уже как новый человек? Пока я искала комнату, любезно предоставленную для моего проживания, а по мне стекала вода, капая на дорогие ковры, Гвен и Патрик о чем-то перешептывались у входа, поглядывая на меня весьма неодобрительно, но не решаясь сделать мне замечание.

— Миленько тут у вас, — как можно дружелюбнее, но не без нажима произнесла я, когда молчание стало невыносимым и неприличным. Даже для меня.

Лицо Гвен тут же разгладилось, будто по нему отпари-вателем прошлись. Лет на пять точно помолодела. Она готова была уцепиться за любой намек на вежливость с моей стороны, чтобы завязать разговор и разрядить обстановку, но не додумалась до самого примитивного — дать мне, черт возьми, полотенце. Я стояла в коридоре у двери, очевидно, ведущей к искомому помещению, смотрела в глаза Гвен — глупые, как у косули, — и искренне не понимала, как эта женщина может быть моей матерью. Мы ведь с ней настолько разные люди, насколько это вообще можно представить.

— Тебе правда у нас нравится? Это так здорово, а я переживала, знаешь... Патрик, налей Саре чаю, а я покажу комнату.

— Это не обязательно, у меня все-таки есть глаза.

— М-м-м?

— Сама осмотрюсь.

— Хорошо, тогда мы подождем тебя на кухне. Располагайся, милая.

— Ага, — буркнула я себе под нос. — *Будь как дома*, и все такое.

Кажется, Гвен приняла новую стратегию — игнорировать мои колкости в надежде, что без ее реакции мне

КАРБОНОВОЕ СЕРДЦЕ

надоест. Ладно, это мы еще посмотрим. В данный момент я слишком устала и замерзла, чтобы продолжать.

Предоставленная наконец сама себе, я затащила сумки в комнату и с удовольствием переоделась в сухое и чистое. Обстановка внутри была самая обычная — односпальная кровать с двумя подушками, продолговатый стол, два стула, кресло, два высоких окна с видом на лужайку на заднем дворе с безупречным (само собой) газоном, белые занавески, тумбочка, настольная лампа, шкаф. Сочетание серо-голубого и разных оттенков древесного меня вполне устраивало. Могло быть и хуже. Кажется, все новенькое. Неужели потратились ради моего комфорта? Хотя для Патрика купить новый комплект мебели все равно что чайный сервис приобрести.

Свободного места здесь было более чем достаточно, а голые стены так и просили примерить на себя мои плакаты и газетные вырезки, привезенные с собой, — неотъемлемая часть моей сущности. Я сходила за чаем и вернулась к себе, наотрез отказавшись играть в любящих родственников: поддерживать милые беседы ни о чем, изображать заинтересованность в делах посторонних мне людей, лживо заверять, как скучала и как рада здесь находиться.

Ни черта я не скучала и уж тем более не рада здесь находиться. Будь моя воля, нога бы моя не ступила на порог этого дома. От здешней фальши меня скоро стошнит, а ведь я тут не больше получаса. Патрик хотя бы не скрывает исключительной неприязни, а Гвен делает вид, будто я ей небезразлична. Материнский инстинкт проснулся? Хочет поиграть в дочки-матери? Я скорее поверю, что завтра найду чемодан с деньгами, чем в этот бред.

Вдогонку мне Патрик негромко отправил что-то вроде: «Но как же так, она ведь...», — однако Гвен его прервала. Позволила мне уйти не оборачиваясь, чтобы я случайно не испепелила Патрика взглядом. Захлопнув за собой

дверь нового пристанища, я бессильно опустилась в кресло и глотнула чаю, задумчиво глядя на улицу.

Перелет меня измотал. За несколько часов я так много успела обдумывать, что устала скорее ментально, чем физически. Напиток обжигал горло, но это было то, что нужно, чтобы отвлечься. И даже когда чай закончился, я продолжала сидеть и смотреть куда-то, воскрешая в памяти события, из-за которых и оказалась здесь.

На всю комнату запевал David Bowie — «The Man Who Sold The World», одна из моих любимых песен всех времен. С первого раза, как я услышала ее в подростковом возрасте, и вплоть до сегодняшнего дня она все так же меня завораживала и расслабляла. А я была достаточно напряжена, зная, что на первом этаже находятся около пяти пьяных мужчин среднего возраста и крупного телосложения.

Ярко горела лампа, прикрепленная к полке шкафа слева и чуть выше моей головы. Резкий белый свет не хуже солнца освещал стол, за которым я работала. Из большого куска художественного пластилина телесного цвета под давлением пальцев и стека постепенно появлялся контур человеческой головы. С носом у меня всегда были проблемы: кровавые они у меня получались. Изобразив на собственном лице всю возможную для меня концентрацию, я мяла упругую массу и срезала лишнее, стараясь не думать о том, что в тот момент симметрия тревожила меня меньше всего.

Конечно, я знала всех этих мужчин. Одним из них был мой отец. После развода он долгое время не мог найти себе ни места, ни дела. И вот наконец нашел — нажираться с друзьями каждые выходные, гостеприимно распахивая двери просторного дома и напрочь забывая обо мне.

Но так стало не сразу. Сначала они просто глушили пиво за просмотром хоккейных матчей, ели пиццу и наггетсы, много смеялись и не засиживались допоздна. Я была даже рада за отца — убитый тяжелым разводом, он находил в себе силы улыбаться в компании друзей. Я, например, сил не находила. Так ведь и друзей у меня не было. Кроме участников плей-листа.

Незаметно для меня безобидные посиделки превратились во что-то рискованное и удручающее. Все они так напивались безо всякого хоккея, что друзья отца начали оставаться у нас на ночь с субботы на воскресенье. Долго боялись, не давая мне уснуть (и соседям тоже), но в конце концов вырубались под действием алкоголя, занимая чуть ли не весь первый этаж своими пьяными вонючими тушами.

Я не знала, как это остановить, а звонить в полицию и стучать на собственного отца казалось глупостью. Первое время пыталась выпроводить мужчин за дверь, но в одиночку с ними не справиться. Каждый раз звать ради этого соседей странно. Разговоры с отцом тоже ни к чему не привели. Он с честными глазами обещал, что прекратит все это, бросит пить, возьмет себя в руки и это был точно последний раз. Но с наступлением выходных пил еще больше и моментально забывал о своих обещаниях, едва прикасаясь к бутылке.

Он становился другим, опасным и непредсказуемым. Каждой девочке знакомо чувство, будто ее отца подменили. Этому человеку плевать было на меня, на себя, на дом и на чувство собственного достоинства. Он получал долгожданное беспамятство и больше не думал о женщине, которая так жестоко его оставила. Но вместе с этим забывал и о том, что у него есть дочь.

Каждый уик-энд это пугало меня все больше, и я старалась не фантазировать, куда это приведет. Жизнь все равно

более изобретательна. По правде сказать, я понимала, что мне остается только ждать кульминации.

После развода я, естественно, выбрала жить с отцом, даже не представляя, во что он со временем превратится. Поначалу не было никаких сомнений, что с ним мне будет лучше, а матери я вовсе не нужна. Мне не хотелось видеть ее еще хоть раз в жизни, и я была счастлива, что она умогла в Уотербери со своей новой любовью, по пути страхивая с ног пыль от обломков нашей семьи.

Я не могла не остаться с отцом. Ему я нужна была еще больше, чем он мне. Но утешения в лице меня ему оказалось недостаточно. А ведь я тоже нуждалась в поддержке. Хоть чьей-нибудь.

Наверное, куда легче пережить развод родителей, когда ты ребенок и еще не совсем понимаешь, как устроен мир. Ты кажешься себе героем, способным решить любую проблему, у тебя много друзей, которые всегда помогут, ведь они любят тебя, и все вокруг такое простое и банальное, что совершенно не о чем переживать. Ты уверен, что знаешь жизнь, и чьи-то советы тебя унижают.

Однако, взрослея, понимаешь, что ты — бессильный кусок мяса, плывущий по течению обстоятельств, не обладающий достаточной отвагой или смекалкой, чтобы избавиться хотя бы от одной из десятков своих проблем. И друзей у тебя вовсе нет, ни одного, и, оказывается, никогда не было настоящих. В действительности ты ни черта не знаешь, никому не нужен и никто тебе не поможет. Кроме разве что родителей, которые раньше так надоедали с опекой, а теперь заняты личными проблемами и разбирательствами.

Мне было двадцать, когда выяснилось, что мама изменяет отцу, и семья наша рухнула, будто сухое дерево, в которое ударила молния — с чудовищным треском. Для меня это был серьезный удар, я как раз сдавала важные экзамены, нервов и так хватало. У меня не осталось даже того фун-